

ИСТОРИЯ ПСИХОТЕРАПИИ

ЛЕКЦИЯ 2. ПРЕДЫСТОРИЯ ПСИХОТЕРАПИИ (ЧАСТЬ I)

И.Б. ГРИНШПУН

Неотрефлексированные гипнотические практики

В конце XVIII века (до Французской революции) в медицину входит новый метод, который несколько не рассматривался его автором как психотерапевтический, но в итоге приведет к тому, о чем мы говорим.

Во второй половине XVIII века в Австрии в Зальцбурге жил человек по имени Франц Антон Месмер¹. Достоверно о нем не очень много известно — больше легенд или рассказов, и книжечки о нем вы можете встретить как в серии «Великие пророки», так и в серии «Великие шарлатаны».

Месмер был действительно необычным человеком. Он был очень образован — имел три образования, одно из них медицинское. Был одаренным инженером (например, он изобрел стеклянную губную гармонику, которую будет использовать в своей практике). Был масоном (вероятно, достаточно высокой степени посвящения)², что открывало ему двери в разные дома. Что для нас важно — как врач (в основном, он себя определял так) Месмер считал себя последователем Парацельса³.

¹ Часто ставят ударение — Месме́р, потому что потом он довольно долго будет жить во Франции.

² XVIII век — это век странный, особенно, во Франции и Австрии. Это век заговоров, тайных обществ (и не тайных, кстати, — масонские ложи предьявляли себя вполне открыто, но имели свои внутренние тайны). Век авантюристов, типа графа Калиостро (настоящее имя — Джузеппе Бальзамо), который участвовал чуть ли не во всех заговорах, бывал и в России, был знаком с Месмером. Время, когда мужчине высшего света было модно быть женственным — отсюда пудра, мушки на щечках, они запросто могли упасть в обморок, среди мужчин это считалось нормальным, и т.д. Месмер существовал в этих пространствах.

³ Парацельс — врач позднего Средневековья, XVI века, современник Фауста и его соперник, кстати. Парацельс — это псевдоним (когда-то был римский врач Цельс, «Парацельс» — «около Цельса»), его настоящая фамилия была Го-генгейм. Совершенно загадочный персонаж.

Парацельс говорил о том, что он отбрасывает медицину Авиценны и Гиппократы: «Лучше я буду учиться на своих достижениях, чем на чужих ошибках». Он был алхимиком (по сути, от него идет медицинская фармакология). В свое время Парацельс занялся изысканиями древних медицинских, в том числе и тайных, знаний. Среди прочего, он лечил магнитами, вроде бы взяв это у древних египтян. Это было принято и в XVIII веке, Месмер тоже лечил магнитами. В чем была идея? Нужно поставить магниты правильного размера и формы на разные участки тела (изготовить их, если нужно), и магнитный флюид вроде бы лечит. Больные впадали в некое состояние, которое мы бы назвали «легкий транс». Что обнаружил Месмер? Однажды, идя к одной из своих больных, он забыл свой саквояж с магнитами, а она все равно впадала в состояние транса. Месмер считал, что источником магнитного флюида может быть не только магнитный железняк, но и живой организм, в частности, человеческий. Он назвал это «животный магнетизм». В дальнейшем из этого он разовьет идею о том, что есть вселенский магнитный флюид, который аккумулируется в разных объектах в разной степени, в том числе в живых существах — в людях и даже в животных (например, удав и кролик). Это что-то вроде света или электричества, только более тонкое⁴. И. Гасснер, протестантский экзорцист, о котором я уже рассказывал, с точки зрения Месмера, просто обладал очень высоким магнетизмом, и поэтому был так успешен.

Месмер стал применять животный магнетизм как медицинское средство, используя самого себя как магнетизера. Никакой мистики он за этим не видел, считая, что это вполне материальная вещь, примерно, как электричество — мы же тоже не видим, как оно по проводу бежит, а оно бежит⁵.

Что делал Месмер? Наиболее известны были его групповые сеансы. Иногда говорят, что они явным образом являются прототипом группо-

⁴ Идея вселенского флюида тоже войдет в психотерапию. Например, мы увидим ее у Вильгельма Райха в мысли о том, что есть оргонная энергия — космическая энергия сексуальности, любви и т.п. Мы увидим ее у Якоба Морено, который считал, что есть вселенская энергия творчества, которую для «неромантичных» американцев он назовет спонтанностью, а так он называл это «искра Божья».

⁵ Кстати, электричество в это время уже активно изучалось. Современником и приятелем Месмера был Бенджамин Франклин, который на тот момент являлся послом США во Франции. Это тоже уникальный человек, который с детства решил стать великим, строил по этому поводу планы, регулярно записывая их в дневнике — в духе Мюнхгаузена: «сегодняшняя подвиг». Он поставил себе задачу овладеть молнией — и ведь овладел, придумав громоотвод. Франклина я еще вспомню в связи с Месмером, но по другому поводу.

вой терапии, хотя сам Месмер этого не понимал. В чем же заключались сеансы? Общая медицинская идея была такая: у больного нужно вызвать ряд последовательно нарастающих кризов его болезни, и тогда болезнь уйдет. Это, примерно, как мы обычно боеем: хуже-хуже-хуже — очень плохо — лучше-лучше-лучше. Вызывать кризы можно при помощи животного магнетизма.

Представьте себе комнату, уставленную зеркалами. Зеркала обращены внутрь, чтобы магнитный флюид не улечивался, а отражался. В центре комнаты стоит деревянный бак, в этом баке бутылки с водой, в воде лежат кусочки магнитного железняка или просто металла, из каждой бутылки торчит металлический штырь в виде русской буквы «Г» так, что верхняя планка приходится на уровне груди человека. Входят больные с самыми разными заболеваниями, встают вокруг этого бака, каждый берет за свою перекладину, их опоясывают волосяной веревкой, которая, как считалось, проводит магнитный флюид⁶. Дальше раздается музыка — специально написанная Моцартом⁷ — которую играет Месмер на стеклянной губной гармонике. Он входит в лиловом звездном плаще (это масонская символика) и начинает «транслировать» свой флюид, некоторые пишут, что при помощи жезла, другие — что просто так. И действительно, у больных возникали приступы их заболеваний. По окончании сеанса никому из 20 человек хуже вроде бы не становилось, по крайней мере, это не описано, троим становилось лучше, трое вылечивались. Это считалось нормальным процентом успешности для врача того времени. Но Месмер брался за случаи, от которых уже отказались все остальные врачи, сочтя их неизлечимыми, а он их вылечивал⁸.

Еще раз повторю, Месмер считал, что за этим стоят вполне материальные силы. Конечно, он не мог ничего сказать про эффект групповой внушаемости. Он не мог ничего сказать и не размышлял про отношение к нему как к врачу. В последствии во Франции ему инкриминировали, что он пользуется своей мужской привлекательностью для того, чтобы

⁶ На других сеансах больные опускали свои босые ступни в пруд, который был предварительно намагнетизирован.

⁷ Месмер был другом отца Моцарта, Леопольда, а потом и самого Вольфганга. Именно Месмер в свое время приобщил его к масонству. Кстати, Моцарт, вероятно, был убит совсем не Сальери, а судя по всему, членами масонской ложи, которой он принадлежал (только не той, в которую его ввел Месмер, а другой), за то, что в опере «Волшебная флейта» он показал некоторые масонские ритуалы.

⁸ Вообще, все это, как вы понимаете, очень напоминает некоторые вещи из нашей сегодняшней жизни — на экране опять стали показывать А. Чумака (помните, который «заряжал» воду и прочее), А. Кашпировского. Такие анекдотичные персонажи. Когда приходят смутные времена, начинается обращение к подобным вещам. И тогда времена тоже были смутные.

воздействовать на больных⁹ — он был крупный, большеглазый, да еще в соответствующей одежде.

Месмер хотел, чтобы открытый им магнетизм был признан официальным медицинским сообществом как новый метод лечения, и с этим поехал во Францию, где была наиболее авторитетная Академия. Однако там не торопились устраивать экспертизу. Но Месмер был принят при дворе и пестовал королевскую семью (это было еще до Революции), провел там несколько лет, обретая все большую популярность среди людей. Он стал открывать школы, у него появились ученики, на него посыпались большие деньги. Судя по тому, что известно, у него стала быстро развиваться мания величия. «Я могу намагнетизировать солнце», — говорил Месмер. Но постепенно его авторитет стал падать. В частности, это было, связано с одним из случаев, который можно, наверное, считать первым случаем, близким к психотерапевтическому (правда, известен он только в общих чертах). Месмер взялся лечить от слепоты молодую девушку, любимицу двора, очень популярную слепую музыкантшу Марию Терезию Парадиз (не знаю, подлинное ли это имя, «парадиз» — это рай по-французски). Он работал с ней два года, и формально это завершилось неудачей — она осталась слепой. За ней вел дневник ее отец. (Я не читал дневник, но знаю в пересказе). Историки обращают внимание на некоторые страницы этого дневника, где отец, например, пишет, что Мария «неожиданно обнаружила», что у людей есть носы, и стала бояться приближения людей, опасаясь, что носы выколуют ей глаза. Это похоже на то, что происходит, когда больных излечивают от врожденной катаракты, то есть от природы слепых делают зрячими (хотя, не знаю, насколько это корректная аналогия). Поскольку у них нет опыта зрительного восприятия, то нет того, что в психологии называется константностью восприятия. Скажем, я смотрю на вас. Те, кто сидят дальше, отпечатываются на моей сетчатке в меньшем размере, но при этом они не становятся для меня лилипутами. Это не мыслительный акт — я просто непосредственно вижу, что люди нормального роста. Очень может быть, что случай Марии Терезии был случаем истерической слепоты — потом они будут много раз описаны¹⁰. Может быть полное здоровье зрительного аппарата — сетчатки, нервов, хрусталика, — но человек может быть слеп. Тогда можно попытаться найти объяснение тому, почему Месмер был неуспешен. Потому что, извините за цинизм, и девушке, и, вероятно, ее родителям в этой ситуации психологически выгоднее бы-

⁹ В этом увидели проблему отношений между врачом и пациентом, которую в будущем Фрейд опишет как перенос.

¹⁰ Например, мы с этим столкнемся в практике Пьера Жане, когда он излечит свою пациентку от слепоты на один глаз, которую та считала врожденной.

ло, чтоб она оставалась слепа. Зрячая музыкантша — это не фокус, а слепота привлекает к ней внимание, поддерживает имя и т.д.

После этого случая для Месмера все становилось хуже. Академия назначила экспертную комиссию, чтобы проверить, что происходит на сеансах. Правда, она проверила не Месмера (его самого в это время не было в Париже), а его ученика, да еще и ушедшего от него. Поэтому результаты работы комиссии юридически не повлияли на то, что делал Месмер. В эту комиссию входили очень достойные люди: Б. Франклин, выдающийся химик А.Л. Лавуазье, врач Ж.И. Гильотен¹¹. Интересно, что никто не отрицал эффективности лечения, но был вынесен вердикт: «Это шарлатанство, потому что лечит не магнитный флюид, которого нет, а лечит человеческое воображение, которое может лечить и без всякого флюида». Я не могу ответить вам, почему они не уцепились за эту мысль и не стали ее развивать. По сути, это было признание психотерапии: воображение лечит. Почему же не исследовать, как это происходит? Нет, не исследовали.

Месмер после этого уехал и доживал свой век на границе Швейцарии и Австрии, будучи простым врачом. Но слово «месмеризм» осталось и существует до сих пор. В английском языке есть слово «to mesmerize» — ввести в особое состояние. Осталось и слово «магнетизм». Но, может быть, мы не вспоминали бы о Месмере, или вспоминали его как казус, типа графа Калиостро, если бы не еще один его ученик, который еще в бытность Месмера во Франции сделал некое удивительное открытие в области месмеризма, или магнетизма.

Среди учеников Месмера было три брата, французские дворяне по фамилии де Пюисегюр. Все они имели отношение к магнетизму¹². Один из них был путешественником и, как пишут, вывез магнетизм в Доминикану, где сделал из него чуть ли не религию рабов. Другой был известен тем, что во время парада, когда один солдат упал в «падучую», он на глазах королевской семьи привел его в себя. Ну а старший — маркиз де Пюисегюр (полное имя Аман-Мари Жак де Шастене де Пюисегюр) известен тем, что у себя в деревне проводил опыты и практиковал магнетические пассы со своими крестьянами. Насколько можно понять по пересказам, при этом он прибегал к тому, что считал магией друидов: там использовались деревья, в деревне или около нее рос священный

¹¹ Врач, который известен, скажем так, не очень человечным изобретением. Хотя, если условно можно говорить о гуманности казни, то гильотина более гуманна, чем топор палача — там сразу и наверняка.

¹² Дело в том, что тогда, в XVIII веке, среди дворян было страшно популярно заниматься наукой. Преимущественно занимались алхимией (если считать это наукой) и месмеризмом.

вяз, у корней которого бил священный ручей. Пюисегюр сажал крестьян вокруг вяза в два круга лицом друг к другу, обвязывал волосяной веревкой, и они по очереди были друг для друга больными и врачами. Оказалось, что магнетизмом проще воздействовать на человека, который стоит ниже на социальной лестнице: проще замagnetизировать дворянину крестьянина, чем другого дворянина, офицеру — солдата, чем другого офицера. Сейчас мы знаем, что это психологический взгляд снизу вверх¹³. Но важно не это. Один из его крестьян (это, вероятно, второй случай, который можно описать, правда, он не терапевтичен), Виктор Рас, когда Пюисегюр делал магнетические пассы, впадал в некое удивительное состояние — например, он начинал лучше слышать. Скажем, Пюисегюр что-то про себя мурлычет, крестьянин начинает подпевать — то есть снизились абсолютные пороги чувствительности. Он начинал лучше говорить — очень отчетливо и грамотно для простого крестьянина. Но самое главное, в этом состоянии он по заданию Пюисегюра совершал достаточно сложные действия, в том числе и требовавшие ухода на какие-то расстояния, возвращения оттуда, что иногда занимало несколько часов. А когда Пюисегюр выводил его из этого состояния, он ничего не помнил, кусок жизни просто выпадал¹⁴. Пораженный Пюисегюр назвал это «магнетический сомнамбулизм». Месмер знал об этом открытии, но не понимал, что это такое, и даже сердился.

Термин «сомнамбулизм» сохранился до нашего времени для обозначения самой глубокой фазы гипноза. То есть, по сути, Пюисегюр открыл гипноз¹⁵, хотя слово это еще не используется. Часто вы можете прочитать, что Месмер был открывателем гипноза, а Пюисегюр — второй фигурой. Но, например, Г. Эллиенбергер считает, что корректней говорить так: исследования Месмера инициировали обнаружение гипно-

¹³ У меня был такой опыт: когда я вел тренинг и мы разбирали проблему первого впечатления, я работал с мальчиком, который был выше меня. Когда мы сели, я стал эффектно демонстрировать: «Какого я роста, скажите мне?» И этот мальчик, который физически смотрел на меня сверху вниз, сказал, что я выше него. В социальной психологии известны эксперименты, которые проводились в Америке: психолог водил по трем разным аудиториям одного и того же человека, «мистера Инглэнда», но в одной представлял его как студента, в другой как преподавателя, в третьей как профессора. А после того, как гость уходил, просил в каждой аудитории оценить его рост в сантиметрах. Так вот «мистер Инглэнд» от студента до профессора «вырос» в среднем на 10 сантиметров, тогда как рост психолога оценивали одинаково.

¹⁴ Кстати, Рас через некоторое время стал жаловаться, что после таких сеансов ему хуже, и Пюисегюр прекратил его так широко демонстрировать.

¹⁵ Подробнее о Пюисегюре можно прочитать в книге Г. Эллиенбергера «Открытие бессознательного», так как в других местах его только упоминают.

за, а реальное открытие произошло у Пюисегюра. В этом плане, Месмер и Пюисегюр обозначают новый этап в истории либо, по крайней мере, в предыстории психотерапии.

Научное изучение гипноза

Если говорить о судьбе гипноза дальше, то она довольно причудлива¹⁶.

Магнетизм долгое время считался шарлатанством и, в основном, официально не признавался. Его пытались применять очень немногие врачи. Чаще к нему обращались самоучки, лекари, те, кто презентовал себя как целителя, или те, кто выступал с подобием актерских номеров¹⁷.

Гипноз развивается как некий медицинский андеграунд. И только к 40-м годам уже XIX-го столетия стали возникать более серьезные попытки понять, что такое гипноз, т.е. сначала что такое магнетизм. Но я не случайно уже все чаще произношу слово «гипноз», потому что в 1843 году была опубликована книга шотландского врача по фамилии Брейд, которая называлась «Неврогипнотизм». Это считается началом научного исследования гипноза.

Дж. Брейд, посетив несколько сеансов магнетизма, счел, что состояние, в которое впадают пациенты, очень похоже на искусственно вызванный сон — отсюда «гипнос», «гипнотизм» (хотя аналогия со сном, на самом деле, очень условная. Хочу сказать, что в целом, до сих пор еще не очень понятны механизмы гипноза). Но поскольку XIX век — это «век нервизма», то — «неврогипнотизм».

Действительно, в XIX веке все большую популярность приобретает идея о том, что, как мы говорим, «все от нервов»: все базируется на нервной системе и все болезни связаны с поражениями нервной системы. Это началось еще с конца XVIII века, когда была обнаружена элек-

¹⁶ Отошлю вас еще к одной книге по этому поводу. Л. Шертук и Р. де Соссюр (сын лингвиста Фердинанда де Соссюра) написали книгу «Рождение психоаналитика. От Месмера до Фрейда». Они считали, что психоанализ зря отказался от гипноза, и пытались «вернуть» его обратно, написав о том, как из гипноза вырастает фрейдовский психоанализ. Посмотрите, там описаны не только те, о ком мы будем говорить, но еще и другие.

¹⁷ Например, вспомним роман «Граф Монте-Кристо». Аббат Фариа, который дал Монте-Кристо сокровища — это реальный персонаж, португальский аббат, который действительно сидел в замке Ив за участие в заговоре, (правда, не знаю ничего про сокровища). Он был известен как человек, который применял техники гипноза и даже сам изобрел некоторые из них. В частности, он просил сосредоточиться на ладони и говорил: «Спать!» Но, поскольку к гипнозу относились скептически, Фариа подставили недруги: подговорили одного актера, чтобы тот симитировал сон, а потом сказал: «А на самом деле я не сплю». После чего Фариа очень переживал.

трическая природа нервного импульса, что привело к страшным последствиям. Вообще, развитие науки, в том числе и того, что связано с психотерапией, очень часто приводило к страхам в обществе. Один из первых страхов появился, когда любителям таких зрелищ начали демонстрировать, что при помощи электричества можно заставлять трупы дергаться, головы гримасничать (это действительно было важно для понимания нервной системы, но как зрелище — кошмар)¹⁸.

¹⁸ Одним из отражений первых страхов в начале XIX века было появление романа молодой англичанки Мери Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей». Виктор Франкенштейн — это имя ученого (потом в фильмах это стало именем чудовища), который пытался найти бессмертие и оживил склеенное из обрывков чудовище.

Страхи и дальше будут сопровождать развитие науки в XIX и XX веке. Скажем, отвлекаясь от истории, всем, наверно, известен персонаж по имени Фантомас. Я познакомился с Фантомасом по комедии, где играли Луи де Фюнес, Жан Марэ и другие. Но «Фантомас» — это серия вполне серьезных романов начала XX века. В чем там была проблема? Дело в том, что герои Жюв и Фандор пытаются обхитрить и поймать Фантомаса человеческими средствами. Но в критический момент выясняется, что у Фантомаса такие технические возможности, что сделать с ним ничего нельзя. Например, все — его поймали, герои врываются в комнату с револьверами: Фантомас взят! А тот нажимает кнопку — оказывается, что стены комнаты магнитные, револьверы разлетаются. Это страх перед наступающей техникой, которая оказывается сильнее.

Продолжая идею оживления и средневековую идею Голема, гениальный писатель Карел Чапек написал пьесу «R. U. R.» («Россумские Универсальные Роботы»), в которой впервые появляется слово «робот» (от слова «работа». Прим. ред.: *govota* по-чешски означает «каторга», «тяжёлая работа»). Он описывает, скорее, андроидов, которые, сочтя, что они более совершенные, чем люди, уничтожают человечество, кроме одного «толстовца». Это страх нашего искусственного порождения.

Когда появятся гипнотизеры, возникнет страх, что можно загипнотизировать весь мир. И в начале XX века это очень видно в кино. Например, в 20-е годы появится немой фильм, который долгое время будет входить в десятку лучших фильмов мира, — «Кабинет доктора Калигари» Роберта Вине. Он очень интересно снят, в стиле немецкого экспрессионизма, черно-белый, что требует особой изобретательности в области оттенков, декораций. Это фильм о том, как в цирке выступает гипнотизер, у которого есть сомнамбула Чезаре. По ночам этот Чезаре, введенный в состояние сомнамбулизма, похищает женщин. В Германии появится серия фильмов о докторе Мабузе, в которых большеглазый гипнотизер хочет подчинить весь мир (интересно предвидение будущего тоталитаризма).

Когда Фрейд опишет неврозы, появится страх неврозов. Это будет особый страх. Известный же вопрос: был ли Эдипов комплекс у людей, пока Фрейд не сказал, что он есть? Этот вопрос я еще вспомню.

Так психотерапия влияет на культуру, а не только испытывает ее влияние.

Если освещать дальше какие-то важнейшие события на пути истории гипноза, то книгу Брейда через некоторое время прочел французский врач Амбруаз Огюстен Льебо. Льебо работал врачом в селе под городом Нанси, у него была большая клиентура, тысячи людей. Вдохновившись книгой Брейда, он стал предлагать всем приходящим либо лечиться обычно, либо гипнозом. Обычно — за деньги. Гипнозом — бесплатно. Естественно, все шло на гипноз, а он просто погружал их в сомнамбулическое состояние и внушал, что болезни нет. И иногда это бывало удачно. Коллеги не принимали Льебо всерьез, обычно его считали дураком и шарлатаном. Шарлатаном — потому что применяет гипноз, дураком — еще и денег не берет. Он опубликовал книжку, которую никто не читал. Но пройдет некоторое время (а мы с вами оказываемся около 80-х годов XIX столетия) и на его деятельность обратит внимание очень важный для истории психиатрии и психотерапии персонаж, французский врач, ученик Ж.М. Шарко (правда, ушедший от Шарко и не любивший его), Ипполит Бернгейм, который как раз тогда заинтересовался гипнозом.

Бернгейм и Льебо организовали в Нанси клинику, где занимались лечением гипнозом. Хотя формально клинику возглавляли оба, интеллектуальным лидером в этой паре был Бернгейм, Обсуждая природу гипноза, он выдвинул мысль, что гипноз — это особого рода внушение. Это будет называться «Нансийская школа гипноза».

Параллельно и почти одновременно возникнув с этой клиникой, существовала другая школа гипноза, в Париже — в клинике Сальпетриер.

Сальпетриер — клиника с тысячами пациентов, такой город в городе со своими улицами и площадями, о котором даже писали романы, правда, сатирические¹⁹. Она существует до сих пор, хотя занимается уже не гипнозом, или не только гипнозом, потому что гипноз, который воцарился в конце XIX века, потом утратил свое влияние.

Клинику Сальпетриер в то время возглавлял Жан Мартен Шарко. Он был чрезвычайно харизматичной фигурой, но с тяжелым характером, и терпеть не мог инакомыслия. У него было множество поклонников, как, впрочем, и врагов. О нем оставили замечательные воспоминания Фрейд, Бехтерев. Одним из его учеников был Пьер Жане. Были и те, кто говорил, что Шарко, в сущности, злоупотребляет властью над больными и сам формирует те симптомы, от которых излечивает.

¹⁹ Сын писателя Альфонса Доде (автора «Тартарена из Тараскона») был врачом, который прошел обучение у Шарко и вынес из этого очень тяжелые впечатления. Эллиенбергер упоминает, что он потом написал пародию на это лечебное заведение.

Шарко был неврологом. Еще раз повторяю — время нервизма, внимание к нервам, огромное количество неврологических лабораторий, клиник, обмен опытом²⁰.

Что сделал Шарко как невролог для понимания гипноза? Он открыл истерические параличи, и это было очень важно в плане открытия новых пространств в психике. Шарко показал, что есть органические параличи, а есть параличи при полном здоровье нервно-мышечного аппарата. Под гипнозом он мог вызвать и снять паралич, что и демонстрировал. Есть даже одна живописная картина, копию с которой Фрейд, прошедший обучение и у Шарко, и у Бернгейма, хранил у себя дома²¹.

Шарко полагал, что гипноз — это искусственно вызванный невроз. По его наблюдениям, состояния, которые возникали при воздействии гипнотизера, очень похожи на невротические истерические состояния. Как он на это вышел? Еще до того, как стать директором клиники, он был экспертом на сеансе металлотерапии (есть такое направление: прикосновения разными металлами по-разному влияют на человека). Он обратил внимание, что на этих сеансах некоторые люди впадают в гипнотические состояния. Как невролог Шарко считал, что за неврозом стоят причины физиологического порядка, какие-то нарушения в нервной системе, которые, правда, очень трудно найти эмпирически (он, кстати, так и не нашел).

Это были два очень разных подхода. В диалоге относительно того, что же такое гипноз — внушение или невроз, прав был, вероятно, Бернгейм. Но Шарко сделал свое выдающееся открытие.

И у Шарко, и у Бернгейма, еще раз повторю, проходил стажировку Фрейд. Когда мы будем говорить про Фрейда, вспомним, что там произошло и почему это было так важно. Но кроме этого, с именем Шарко связан еще один очень важный человек — это упоминавшийся мною Пьер Жане. Но к нему мы придем немного позже.

Случаи множественных личностей

Еще одной важной вещью в конце XVIII и в XIX веке было открытие множественной личности, как это сейчас называется. Медицина нача-

²⁰ В частности, к Шарко со временем приедет Владимир Михайлович Бехтерев, который как раз у него освоит гипноз. А потом перенесет в Россию идею Шарко о необходимости создания психологических лабораторий в клиниках, организовав такую лабораторию в Казани. Шарко, кстати, создал лабораторию, которую одно время возглавлял Пьер Жане. Но со смертью Шарко новое начальство прикрыло лабораторию, Жане прогнали.

²¹ Андре Бруйе. Шарко демонстрирует случай истерии в клинике «Сальпетриер». 1887 — *Прим. ред.*

ла сталкиваться с тем, чего раньше не встречала — тогда это называлось расщепление или раздвоение личности. В то время это было чрезвычайно популярно. В частности, это раздвоение могло появляться под гипнозом. Тогда же были описаны случаи множественных личностей, переказы некоторых из них можно найти в книге Г. Эллиенбергера и у других. Это действительно любопытно.

Например. Конец XVIII века, Французская революция, дворяне эмигрируют в Германию. Эмигрируют понятно почему — потому что особым украшением на юбках простолюдинок были отрезанные уши дворян. Одна дворянская чета остановилась в гостинице в Германии. Там была девушка, которая, пораженная видом эмигрантов, в какой-то момент вдруг стала чувствовать себя французской дворянкой, начала говорить по-французски, по-немецки в этом состоянии говорила с французским акцентом, потом непонятно как переходила обратно. В гостинице был врач, наблюдавший за ней, который мог движением руки переключать ее из одного состояния в другое.

Вот еще один из известных случаев, который был описан около 1815 года доктором Джоном К. Митчелом. Потом его рассказ продолжил священник Вильям С. Плюмер²².

«Мэри Рейнолдс, дочь священника Вильяма Рейнолдса, родилась в Англии и была еще ребенком, когда ее семья переехала в Соединенные Штаты. Они поселились недалеко от Титусвилля, штат Пенсильвания. Местность, населенная, в основном, индейцами и немногочисленными белыми, все еще оставалась дикой, в округе повсюду свободно бродили дикие животные. Весной 1811 года, в возрасте примерно девятнадцати лет (мы, кстати, с этим возрастом, 19—21 год, будем часто сталкиваться. Другие «столкновения» будут с серединой жизни. Тут какие-то критические моменты — *И.Г.*), Мэри шла через поле с книгой в руке, и позже ее обнаружили лежащей на земле, очевидно, без сознания; вскоре она очнулась, но, по всей видимости, оставалась глухой и слепой в течение пяти или шести недель. Слух вернулся к ней внезапно, а зрение восстанавливалось постепенно. Три месяца спустя ее нашли спящей в глубоком сне, и этот сон продолжался в течение многих часов. Когда она проснулась, оказалось, что она ничего не помнит и при этом не может разговаривать. Ее состояние было таким же, как и у новорожденного младенца.

²² Здесь и далее случаи приводятся по: *Эллиенбергер Г.Ф.* Открытие бессознательного. История и эволюция динамической психиатрии. Часть I: От первобытных времен до психологического анализа / Перевод с английского Д.И. Скородумова, М.М. Скородумовой, И.П. Соколенко. Научная редакция и вступительная статья В.В. Зеленского. 1 СПб.: Академический проект, 2001. — 560 с.

Однако она быстро восстановила свои утраченные знания. Через пять недель однажды утром она проснулась в своем прежнем состоянии и выразила удивление по поводу перемены времени года, не осознавая ничего из того, что происходило с ней в течение последних недель. Спустя еще какое-то время (несколько недель) она опять впала в состояние глубокого сна, проснулась в своем «втором» состоянии и стала вести ту же жизнь, какую вела некоторое время до этого; такие чередования одного состояния с другим продолжались в течение пятнадцати или шестнадцати лет (то есть мы добираемся до тридцати с лишним лет — *И.Г.*), но в конце концов прекратились, когда она достигла возраста тридцати пяти лет. Мэри осталась во «втором» состоянии и пребывала в нем без изменений до самой смерти в 1854 году.

Разница между двумя этими личностями была совершенно поразительной. В своей «первой» личности Мэри была тихой, спокойной и задумчивой, с тенденцией к депрессии, с заторможенным мышлением и отсутствием воображения. Личность «вторая» была беспечной, веселой, экстравагантной, любила компании, забавы и розыгрыши, имела ярко выраженную склонность к стихосложению и рифмовке. У каждой личности был свой почерк. Находясь в одном состоянии, Мэри знала о существовании другого и боялась оказаться в нем, но по разным причинам. Во «втором» состоянии она считала «первую» личность глупой и скучной.

Ее «второе» состояние доставляло семье много хлопот, потому что девушка становилась беспокойной и эксцентричной; она бродила по лесам, не опасаясь волков и диких зверей, и однажды даже попыталась поймать гремучую змею. Мэри также находилась в какой-то странной психологической зависимости от одного из шуринов. Непосредственно перед тем, как заснуть, она обычно рассказывала о событиях дня и иногда весело смеялась над шутками, которые проделывала за день.

Случай Мэри Рэйнолдс обычно приводится в качестве примера полной разделенности между обеими личностями. Однако из доклада преподобного Плюмера становится понятно, что это разделение не всегда было полным. Во «втором» состоянии, до того как она снова научилась читать и узнала что-либо о Священном Писании, Мэри рассказывала о снах, в которых проявлялось знание Библии. Точно также ее сны указывали на воспоминания о своей умершей сестре Элизе, о которой она не имела ни малейшего представления, когда просыпалась».

Вот еще один случай, который меня поразил, когда я впервые о нем узнал. Этот случай изложен очень кратко, хотя, по сути, речь идет о монографии, которая была написана французским врачом Деспеном.

«В июле 1836 года, на прием к Деспену привели одиннадцатилетнюю девочку. Врач в Нёшателе диагностировал у нее тяжелый паралич в результате повреждения спинного мозга. Эстель — так звали девочку — потеряла своего отца во время эпидемии 1832 года и была довольно избалованна. В ноябре 1834 года во время игры ее толкнул сверстник, и она упала на спину. С этого момента Эстель стала жаловаться на боль, которая постепенно увеличивалась и в конечном счете стала невыносимой. Все другие способы лечения оказались безрезультатными, и ее отправили в Экс. Пять дней она путешествовала в экипаже, лежа на спине в просторной плоской ивовой корзине, обитой стеганым пуховым одеялом, с ровной поверхностью на дне. Окна экипажа, занавешенные шторами, были плотно закрыты. Эстель требовала, чтобы ее выносили на каждой остановке, и вокруг тотчас же собиралась огромная толпа, чтобы поглазеть, как бедняжку несут в местную гостиницу. Никто, кроме матери и тети, не мог дотрагиваться до нее, не вызывая пронзительного болезненного крика. Девочка целиком погрузилась в грезы, фантастические видения и галлюцинации и постоянно забывала о том, что происходит вокруг.

Шестидесятилетний доктор испытывал сильную привязанность к своей маленькой пациентке. Повсюду в книге он восхищается ее умственными способностями и смелостью, с которой она переносила все тяжелые испытания. Со всей осторожностью Деспен начал курс гипнотерапии (термина тогда еще нет, поэтому по сути речь идет о каких-то элементах животного магнетизма — *И.Г.*) и электрического лечения (тогда это было популярно — *И.Г.*), после чего последовало медленное улучшение. В декабре ее мать рассказала Деспену, что каждый вечер хор ангелов утешает и успокаивает Эстель. Для доктора это послужило озарением, и внезапно он осознал, что случай Эстель является примером «экстаза» — состояния, которое может быть вылечено с помощью животного магнетизма. (я уже говорил, что не все врачи игнорировали магнетизм, но их было не очень много — *И.Г.*) Сначала Эстель упорно сопротивлялась тому, чтобы ее магнетизировали, но, уступив настойчивым просьбам матери, она в конце концов согласилась, оговорив собственные условия. Они состояли в том, что она будет подвергаться магнетизму, только когда этого захочет сама и только в той степени, в какой пожелает, и что все сказанное ею в сомнамбулическом состоянии будет повторено ей слово в слово. Магнетическое лечение началось в конце декабря 1836-го года. Ее мать вела дневник, многочисленные выдержки из которого содержатся в книге Деспена. Магнетический сон вызывался легко и всегда сопровождался амнезией. Во время сеанса Эстель сама назначала собственное лечение и диету. Вскоре после начала лечения

в ее магнетическом сне появился один из ангелов, которого она называла Ангелиной. Девочка вела с ним оживленную беседу (из которой, конечно, была записана только часть Эстель). С этого момента лечение предписывалось Ангелиной. Диета запрещала принимать всю ту пищу, которая не нравится Эстель, и предписывала давать все то, что нравится, даже снег. Никто не должен был перечить. Ангел сказал: «Позвольте ей действовать согласно ее прихотям, иначе улучшения не будет».

Начиная с января 1837 года, Эстель стала вести двойную жизнь. В своем обычном состоянии она все еще оставалась парализованной, малейшее движение причиняло невыносимые страдания. Ее были вынуждены обкладывать подушками, укрывать шерстяными одеялами и одеялами из гагачьего пуха. Эстель любила свою мать, и требовала, чтобы та постоянно находилась рядом с ней. Девочка обращалась к доктору Деспену уважительно, на «вы». В состоянии же магнетического сна она становилась способной двигаться, начинала гулять, испытывала страстную тягу к снегу и не выносила присутствия матери. С Деспеном обращалась фамильярно, на «ты». Ее способность передвигаться зависела от наличия на теле золота, присутствие же некоторых других веществ, напротив, оказывало негативное воздействие.

В конце января того же года Эстель стала спонтанно впадать в состояние магнетического сна, каждые двенадцать часов сменявшееся так называемым обычным состоянием. В последнем она все еще по-прежнему не могла сделать ни одного шага. В состоянии магнетического сна Эстель обычно гуляла, бегала, без усталости путешествовала в экипаже, любила играть со снегом и есть его. Однако она не переносила некоторых вещей, например кошек, взгляд на которых приводил девочку к каталепсии, из которой пациентку можно было вывести с помощью растирания золотом. Деспена поражало различие между двумя диетами Эстель. Обычно она могла есть очень ограниченную пищу. Магнетический сон приводил к тому, что девочка обычно ела все и в больших количествах. Казалось, у Эстель есть два желудка, один для критического («сонного») состояния, другой — для обычного («бодрствующего»).

В начале марта Деспен был вызван из Экса на несколько дней. Как и предсказывала Эстель, во время его отсутствия она стала страдать галлюцинациями и разного рода недомоганиями. Домочадцам оставалось молча сносить все ее капризы. В конце марта девочка предсказала следующее видение ею большого шара, который лопнет, в результате чего наступит значительное улучшение. Предсказание сбылось 14 апреля, когда в первый раз пациентка смогла сделать несколько шагов уже в обычном состоянии бодрствования. Магнетическое состояние также демонстрировало определенные успехи. Эстель начала плавать и пред-

приняла ряд экскурсий в горы, хотя определенная идиосинкразия и сохранилась.

Постепенное слияние обычного и магнетического состояний стало медленно происходить в июле. 13 июля лечение Деспена завершилось, и пациентка со своей матерью неспешно отправились обратно в Нёшатель. Новость о ее излечении уже достигла города, и местная газета опубликовала историю Эстель, называя ее *la petite ressuscite* («воскресшая малышка»). Идиосинкразия постепенно утратилась до такой степени, что девочка могла видеть даже кошек и при этом не впадать в каталепсию».

Деспен был обычным терапевтом, он не специализировался в каких-то областях и подходах. Что здесь важно? Возникает вопрос, какое состояние девочки патологическое? На самом деле, обычное состояние было патологическим — то, в котором она не могла двигаться. А здоровым было второе состояние. Как вы поняли, здесь важна некая зависимость девочки от врача. Потом мы с вами будем еще и еще встречаться с подобными зависимостями.

Вот другой пример — история пациентки врача Макса Биршера по имени Икара.

«Икара, домохозяйка из Цюриха, лишилась матери в тринадцать лет. Ее детство и юность были несчастливыми. Она выросла очень прилежной, практичной и серьезной девушкой, но вела скрытую жизнь, наполненную фантазиями и скрываемую от своих знакомых. Когда Икаре было пятнадцать лет, ее поразило внезапное осознание того, что ей ведомы все подробности рождения детей, будто пережитые ею самой на самом деле. В двадцать пять лет девушку стали посещать очень яркие воспоминания о событиях, происходивших с человеком, с которым она отождествляла себя в прошлой жизни. Она провела два года в медицинском санатории у Биршера, и последний упоминает примерно о десяти таких проявлениях воспоминаний из предыдущей жизни. Эти воспоминания имели личный характер и выглядели вполне отчетливыми, хотя и относились к совершенно иному миру. В предшествующей жизни Икара была крепкой женщиной из первобытного племени. Она обитала на краю леса среди дикарей, одетых в звериные шкуры. Однажды она рассказала о том, как украли курицу, жадно ела ее сырое мясо и чувствовала вкус крови на своих губах; потом за ней погнались рассерженные мужчины, угрожающе размахивая большими палками. Икара пыталась найти убежище в ближайшей пещере — и видение внезапно пропало. Доктор Биршер считал, что это действительно были воспоминания о прежней жизни, которую эта женщина прожила в доисторической эре.

Жаль, что он не предпринял более подробного исследования другой жизни своей пациентки».

То есть получаем еще одно объяснение. Действительно, в XIX веке стали развиваться идеи о том, что в человеке живет наследственная память и он может проживать свои прежние жизни. Например, такую идею высказывал философ Герберт Спенсер²³. Помимо того, что он стал одним из основателей социологии, Спенсер, независимо от Дарвина, создал свою теорию эволюции. У него была идея о том, что наша психика носит адаптивный характер и позволяет приспособиться к существующим в мире отношениям, и что индивидуальный опыт становится родовым: то, что роду дано апостериори, то индивиду дано априори, просто мы этого не знаем²⁴.

Вот еще любопытный случай, описанный Уильямом Джеймсом, с которым мы еще встретимся (то есть мы сейчас во второй половине XIX века, ближе к его концу). Джеймс — это титаническая фигура в психологии, очень важная и для психотерапии. Хотя в строгом смысле психотерапией он не занимался, но исследовал некоторые случаи.

«Ансель Бурн родился в 1826 году. Его родители развелись, и детство его было безрадостным. Когда он вырос, то стал плотником и работал в маленьких городках Род-Айленда. Бурн, будучи убежденным атеистом, публично заявил 28 октября 1857 года, что скорее станет глухим и немым, чем пойдет в церковь. Через несколько мгновений он оглох, онемел и ослеп. 11 ноября он пошел в церковь, показывая лист бумаги, на котором было написано о его обращении. В следующее воскресенье, 15 ноября, Бурн поднялся в церкви среди нескольких сотен молящихся и заявил, что Бог излечил его от болезни. Это якобы чудесное исцеление сделало его необычайно популярным, и с этих пор Бурн совмещал работу плотника с деятельностью странствующего проповедника. Через год у него умерла жена, и он женился вторично, но второй брак не был счастливым.

Однажды, через тридцать (тридцать! — *И.Г.*) лет после обращения, Ансель Бурн исчез из своего дома в Ковентри, Род-Айленд. Он отправился в Провиденс, снял в банке 551 доллар (по тем временам, кстати, довольно большие деньги — *И.Г.*), нанес визит любимому племяннику, и после этого его след был потерян.

²³ Он был по сути самоучкой, не был грамотен, мало читал, и все время повторял слова Гоббса, которые я произнесу не как рекомендацию: «Если я буду читать так же много, как другие, я буду знать так же мало, как они».

²⁴ У Джека Лондона есть ряд произведений на эту тему — замечательная вещь «Смирительная рубашка» (или «Межзвездный скиталец»), или «До Адама» и др.

Две недели спустя некий Альберт Браун прибыл в Норристоун, штат Пенсильвания. Он взял в аренду маленький магазин, купил некоторые товары и начал скромный бизнес по продаже канцелярских принадлежностей, кондитерских изделий и всякой мелочи. Мужчина вел по большей части незаметную и уединенную жизнь. Ранним утром 14 марта он проснулся совершенно сбитый с толку. Альберт Браун вернулся в свою прежнюю личность Анселя Бурна и не мог понять, что он делает в этом странном месте. Он позвал соседей, которые подумали, что Браун помешался. В конце концов приехал его племянник, продал магазин и забрал дядю обратно в Ковентри. Никаких воспоминаний обо всем, что он делал в течение двух месяцев, которые он провел под именем Альберта Брауна, у Анселя Бурна не осталось.

В 1890 году Ансель Бурн был загипнотизирован Уильямом Джеймсом и в состоянии транса вернулся к личности Альберта Брауна. Браун ничего не знал о Бурне, но дал связный отчет о том, что он делал в течение двух месяцев своего существования. В тех случаях, когда его заявления можно было проверить, они оказывались истинными. Что касается причин возникновения фуги, он был, очевидно, неудовлетворен своей жизнью и страдал от постоянного ворчания второй жены. Бурн пропал только после получения большой суммы денег. Его новая личность (Альберт Браун из Ньютона, штат Нью-Хемпшир) была слабой маской его истинной личности (Анселя Бурна из Нью-Йорка штат Нью-Йорк). Странно, что во втором состоянии Альберт Браун не заметил ничего необычного в бумагах, чековой книжке и других документах, которые он носил с собой все это время, и где стояло имя Анселя Бурна. Было бы интересно узнать обстоятельства, которые предшествовали его возвращению к первой личности, и то, как много денег он уже потратил к этому моменту (но это уже неизвестно — *И.Г.*)».

С вашего разрешения, еще два случая...

«В 1933 году С. Франц (известный психиатр — *И.Г.*) опубликовал более поздний и очень тщательно задокументированный случай взаимной амнезии личностей (т.е. здесь, как в случае с Брауном и Бурном, личности друг о друге не помнят — *И.Г.*).

В декабре 1919 года полиция Лос-Анджелеса поймала мужчину, который бродил по улицам в полубессознательном состоянии. Мужчина, у которого при себе были английские и французские военные медали, сказал, что ничего не помнит о своей жизни до 1915 года и что очень обеспокоен тем, что не знает, кем он является. Одна пожилая леди из Калифорнии убеждала его в том, что узнала в нем потерянного сына, но он не может вспомнить в этой женщине свою мать. Франц попытался

пролить свет на этот случай, как через официальное расследование, так и проводя многочисленные беседы с пациентом.

Документы пациента были выписаны на имя Чарльза Палтинга из Флориды, но он не был похож на коренного американца. У него был ирландский акцент. Он думал, что, возможно, является канадцем, и имел необъяснимое влечение к штату Мичиган. Пациент много путешествовал не только по Соединенным Штатам, но и за границей. Его воспоминания начались в феврале 1915 года, хотя имелось несколько серьезных провалов и после этой даты. Он принимал участие в Первой Мировой Войне, то, что он помнил, и сражался на территории Франции, Бельгии и Британской Восточной Африки. Пациент весьма эмоционально рассказывал Францу о своих военных приключениях в африканских джунглях и о том, как после побега из немецкого плена вместе с другими солдатами он видел, как одного его товарища растерзали леопарды.

Таким образом, пока Палтинг пытался справиться со своими воспоминаниями (приходя к врачу — *И.Г.*), полиция снова обнаружила его на улицах в марте 1930 года полностью утратившим все жизненные ориентиры. У Франца он заявил, что его имя Чарльз Пултни. Он указал дату и место своего рождения, свой адрес в Дублине (он действительно был из Ирландии — *И.Г.*), а также имена своих родителей, братьев, сестер, жены и двоих детей. Полагали, что он находился в Дублине в сентябре 1914 года. Пултни приехал в Соединенные Штаты в 1915 году и жил в штате Мичиган. Он не мог вспомнить ничего из того, что произошло после сентября 1914 года. «Это был человек, проживший сорок два года, из которых только о двадцати семи у него сохранились какие-то воспоминания и переживания».

Франц пытался заставить Пултни восстановить воспоминания о второй половине жизни при помощи карт тех стран, где, как было известно, он временно останавливался. Изучая карту Британской Восточной Африки, Пултни неожиданно сильно возбудился, обнаружив на ней маленький город: там, сказал он, у него было ручная обезьянка, которую схватил и растерзал леопард. (С точки зрения динамической психиатрии, эта эмоция была очевидно заменой более тяжелого воспоминания о товарище, растерзанном леопардами в той же самой местности.) Эта эмоциональная абреакция (то есть отреагирование — *И.Г.*), сопровождалась потоком воспоминаний, которые теперь лились без остановки. «За несколько минут этот человек прожил пятнадцать лет. Он встретился и познакомился с самим собой».

Таким образом, история жизни этого пациента как бы разделилась на три неравные временные части, которые Франц назвал личностями «А», «В» и «С». Личность «А» (Палтинг) существовала с рождения паци-

ента до сентября 1914 года. Личность «В» охватывала период с сентября 1914 года до февраля 1915 года. Этот фрагмент личности был стерт, вероятно, в результате психической травмы, полученной во время сражений в северной Франции. Личность «С» появилась в феврале 1915 года и существовала до того момента, когда Франц начал в 1930 году лечение пациента. В начале лечения пациент знал только личность «С», личности «А» и «В» выпали из его сознания. Францу удалось собрать вместе «А» и «С». Что касается «В», то она так и осталась недостающим звеном (кроме этих фрагментов — *И.Г.*).

Это, конечно, уже терапевтический случай — речь идет о воссоединении целостности.

И еще один случай, который описал врач по фамилии Азам и который комментировал Шарко. Случай Фелиды.

«Фелида родилась в 1843 году и была дочерью капитана торгового флота. Он умер, когда она была еще совсем маленькой, и ее детство было нелегким. Будучи ребенком, Фелида была вынуждена зарабатывать себе на жизнь, работая белошвейкой. Начиная с тринадцати лет у нее стали развиваться сильные истерические симптомы. Она была угрюмой, неразговорчивой девушкой и упорной работницей, но постоянно жаловалась на головные боли, невралгию и другие болезненные проявления. Почти каждый день у нее случался «кризис»: внезапно Фелида чувствовала острую боль в висках, после чего впадала в летаргическое состояние, длившееся несколько минут. После пробуждения девушка становилась совершенно другой личностью: веселой, оживленной, иногда в приподнятом настроении и полностью свободной от всех недомоганий. Это состояние обычно длилось несколько часов и заканчивалось коротким летаргическим сном, после которого она возвращалась в обычную жизнь. Азам установил, что в нормальном состоянии Фелида обладает средними способностями, но что она становится более одаренной во втором состоянии (это вопрос, который мы еще обсудим — *И.Г.*). В последнем она очень хорошо помнит не только предыдущие состояния, но и всю свою жизнь. Нормальная личность ничего не знает о второй, за исключением рассказываемого о ней другими. Гораздо реже у Фелиды проявлялась иная форма кризиса, которую Азам называл третьим состоянием: приступы сильного страха с мучительными галлюцинациями.

Однажды Фелида консультировалась у Азама по поводу тошноты и увеличившегося живота. Азам определил беременность, но Фелида не согласилась это признать, заявив, что такое просто невозможно. Позже, переместившись во вторую личность и улыбаясь, она заявила, что знает

о беременности, но не беспокоится по этому поводу. Фелида вышла замуж за своего приятеля, у них родился ребенок, и ей явно стало лучше. Она не наблюдалась у Азама в течение долгого времени. Но со второй беременностью все предыдущие симптомы вернулись.

Среди симптомов Фелиды Азам описывал необычные расстройства вегетативных нервных функций, становившиеся все сильнее в последующие годы жизни. Она страдала от легочных и желудочных кровотечений без каких-либо признаков заболевания в этих органах. Когда она спала, из ее рта частенько медленно и безостановочно текла кровь. У нее неожиданно могла распухнуть любая часть тела, например, половина лица.

Азам установил, что у теперешней тридцатидвухлетней Фелиды, управлявшей бакалейным магазином, в основном проявляются те же самые симптомы. Но теперь первая и вторая личности поменялись друг с другом местами, то есть, периоды второй личности значительно удлинились по сравнению с первой, нормальной. Последней становилось все хуже и хуже. Во втором состоянии Фелида чувствовала себя хорошо, она становилась свободней, больше заботилась о внешнем виде, была более чувствительной и более привязана к семье. Она помнила всю жизнь. Во время коротких периодов первой личности она лишалась большей части воспоминаний (поскольку она ничего не помнила о второй личности), много работала, но выглядела хмурой, и ее раздражал муж. В любом отношении это так называемое нормальное состояние оказывалось менее желательным, чем второе, или ненормальное, состояние. Все одиннадцать детей родились в нормальном, то есть в плохом состоянии. В обоих проявлениях она считала свое нынешнее состояние нормальным, а другое — ненормальным.

В последующие годы, вплоть до 1887 года, Азам продолжал наблюдать за Фелидой и написал несколько дополнительных работ о ней. Второе состояние становилось все более и более доминирующим, хотя оно никогда не оставалось единственным. Все то время, пока Азам наблюдал за ней, у Фелиды случались короткие возвраты в первое «нормальное» состояние. Расстройства вегетативной нервной системы постепенно увеличились до такой степени, что у нее начались частые кровотечения из всех слизистых тканей тела, без каких-либо признаков серьезных заболеваний».

Вот некоторые примеры.

Множественные личности — это, конечно, то, что тоже порождало страхи: что это такое? в одном человеке несколько? кто же там живет? Поразительным образом, и мы это увидели второй, как бы патологиче-

ский, который скрывался, мог быть личностно интереснее, чем первый. Первый — скучный, серенький, неталантливый, а второй — блистательный остроумец, склонный к поэзии, авантюрист. Возникает вопрос, кто здоровее? Там ведь еще очень сложные отношения между этими множественными личностями. Они могут знать друг о друге, могут не знать, одна может знать о другой, а другая про первую нет, и т.д.

Тема множественных личностей существует и до сих пор²⁵. Есть терапевты, которые не верят в это, говорят, что это либо провокация, либо

²⁵ Если вам интересна эта тема, могу порекомендовать некоторые книги и фильмы. Художественных фильмов по этому поводу множество. «Бойцовский клуб», например, или «Лабиринты». Есть вещи полудокументальные или документальные. Один из случаев множественных личностей в XX веке был описан журналисткой Ф.Р. Шрайбер (кстати, по этой книге тоже был сделан фильм). Книга называется «Сивилла». Она о женщине, у которой было порядка 20 субличностей. Это записи бесед с ней. Случай Сивиллы довольно часто вспоминают в художественных фильмах, в частности, в фильме «Лабиринты».

Еще одна книга написана очень интересным американским писателем Дэниэлом Кизом (вы, вероятно, читали его блистательный роман «Цветы для Элджернона»). Она называется «Множественные умы Билли Миллигана». Это не художественная книга, это документальный рассказ о человеке, которого звали Билли Миллиган. Он реальный персонаж, серийный преступник. Это был первый в американском судебном производстве случай, когда человека помиловали, признав у него расстройство множественной личности. Оно, кстати, записано в классификацию болезней — так и называется «расстройство множественной личности». У Билли Миллигана было порядка 30 — причем это были разные возрасты, разный пол, разные национальности. До сих пор неизвестно, был ли это гениальный актер, или там действительно было заболевание. Книга — это записи бесед с ним, попыток бихевиорального типа хоть что-то с ним сделать.

«Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», которую мы еще вспомним в связи с Юнгом, написана Р. Стивенсоном по мотивам собственной двойственности. Потому что у Стивенсона бывали моменты, когда он вел себя удивительно не похожим для себя образом. Мистер Хайд — это юнгианская Тень доктора Джекила.

Иногда по этому поводу я обсуждаю сказку про Мальша и Карлсона. Мальш очень нормативен, его жизнь определена для него. Он даже в ужасе думает, что должен будет жениться на вдове своего старшего брата. И — Карлсон, который может все. Не случайно не известно сколько Карлсону лет. Это такой непонятый образец ребенка-взрослого. В первой части книги Карлсон появляется только тогда, когда, кроме Мальша, больше никого нет. Когда появится щенок, Карлсон исчезнет на время. На самом деле это раздвоение личности Мальша. Все, что делается — катание на луже, биение банок — это все делает Мальш. Но когда появляются родители, он говорит, что это Карлсон. С моей точки зрения, это такое предупреждение родителям о возможной шизофрении ребенка.

фальсификация. Но есть и те, кто считают, что это серьезно, например, есть книга Ф.В. Патнема по этому поводу²⁶.

Все это подводит нас к очень важному моменту, который не только Элленбергер, но и многие другие, скажем, Лоренцер²⁷ называют «открытие бессознательного».

THE HISTORY OF PSYCHOTHERAPY. LECTURE 2. HISTORICAL BACKGROUND OF PSYCHOTHERAPY (PART I)

I.B. GRINSHPUN

²⁶ Ф.В. Патнем «Диагностика и лечение расстройства множественной личности» — *Прим. ред.*

²⁷ Кстати, книгу Лоренцера стоит прочесть. Это немецкий психотерапевт, психоаналитик, философ и историк. У нас выходила его небольшая книга, которая называется «Археология психоанализа», где он более подробно делал почти то же самое, что делал и я, рассказывая о развитии динамического подхода, начиная с древности, хотя он не забирался так глубоко. У него вы найдете и более подробное обсуждение того, как понималась патология в разные времена, там очень много ссылок на Мишеля Фуко («История безумия в классическую эпоху»).